

и их образные компоненты. В "Желании славы" в кульминационном моменте психологического слома, потрясения, пластика и конкретность предшествующего текста исчезают, и возникает условный, знаковый язык; предельно индивидуализированный герой замещен "путником, молнией постигнутым в пустыне". Цепочка эмблематических образов - пустыня, молния, затмение, слезы - образует параллельный сюжет, в котором на первый план выступает тема повергнутого величия. Молния, орудие гнева Юпитера ("Молния первым делом ударяет в гору"); пустыня - место, где испытывается сила и стойкость; слезы, которые всегда предшествуют торжеству и победе; затмение, символизирующее трудности, достойно преодолеваемые, - все это традиционные атрибуты эмблем со сложившимся семантическим ядром. Вплетенные в любовный сюжет, они придают иной статус герою: перед нами не терзающийся влюбленный, но повергнутый божественным гневом творец. Эмблематическая цепочка вводит героя в иную систему координат, свободную от субъективных оценок и помогает создать суггестивное пространство финала, в котором герой воплощен в имени, молве ("...Чтоб именем моим /Твой слух был поражен всечасно, /Чтоб ты мной /Окружена была, /Чтоб громкою молвою /Все, все вокруг звучало обо мне..."). Традиционная эмблема порождает личную - эмблему имени, гласа верного. То, что не удалось в эмпирическом пространстве - остановить мгновение счастья - в суггестивном пространстве осуществляется; героиня оказывается в плену имени. Таким образом, традиционная эмблема служит переходом в иное, более условное пространство, в котором порождаемый знак качественно иной, более субъективный, выражающий скорее индивидуальное состояние, но, с другой стороны, абстрагирующий характер эмблемы никуда не исчезает.

Л.С.Соболева

РУКОПИСНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ УРАЛА: ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОСТИ

Тема регионального развития русской литературы в последнее время привлекает внимание многих исследователей не случайно. Сложное соотношение центробежных и центро-

стремительных сил в литературном процессе Урала исследовалось в предпочтении к явлениям общерусским, и высокая оценка того или иного явления культуры зависела от отражения в нем общенациональных черт. Значение регионального начала осознавалось прежде всего фольклористами - в силу специфики устного народного творчества - и медиэвистами, в понимании которых средневековая литература воплощала интересы отдельных княжеств. Поэтому, когда мы говорим о библиографии проблемы, в первую очередь вспоминаются имена В.И.Лазарева с его глубокими размышлениями об уральской специфике художественной культуры, П.С.Богословского, который настаивал на принципиальной необходимости соединения исследования устной и письменной словесности, Е.И.Дергачевой-Скоп, увидевшей при анализе конкретных литературных памятников своеобразное переосмысление жанровой традиции. Глубоко понимал важность и вместе с тем сложность регионального подхода к изучению эстетических и эволюционных особенностей словесности Иван Алексеевич Дергачев.

Предмет нашего исследования - рукописная литература Урала XVIII - XIX веков. Этот аспект выбран из-за внимания к активной стороне литературного процесса. Рукописание в восемнадцатом веке все еще опережало книгопечатание там, где речь шла о произведениях, далеких от государственных прагматических потребностей.

Своеобразными культурными "магнитными полюсами" для уральской культуры были старообрядческая традиция, с одной стороны, и просветительская, ориентированная на европейские представления о человеке, - с другой. Их поляриность предопределялась отчасти средой бытования (особенно в первой половине века), различной литературной ориентацией, отношением к устному слову, различным пониманием возможностей человека и ценностными ориентациями и т.п. Просветительские идеи были присущи администрации из государственного аппарата Урала - соратников Петра и приверженцев идей развития России по пути реформирования. Это давало просветительству дополнительные шансы на распространение, потому что формирование слоя носителей светской культуры нового характера шло сложно и медленно.

Активная колонизация Урала вызвала массу проблем, которые необходимо было решать в очень короткие сроки.

творческие потенции таких незаурядных и всесторонне талантливых личностей, как В.Н.Татищев, выразились в создании для Урала специального законодательного акта - "Наказа", в котором он попытался создать систему жизнеобеспечения и предопределил особое внимание к личности работника. Задача была не только развить промышленный потенциал края, но и воспитать "сынов отечества", верных государю, преданных делу, с чувством собственного достоинства, определяющегося мастерством и высоким качеством работы. "Наказ", сохранившийся в рукописных вариантах, служил потом образцом при дальнейших разработках местного законодательства и обладал значением публицистического выступления, декларируя систему взглядов просветителей. В двадцатых годах XVIII века в письменности преобладают нехудожественные жанры, пишутся и активно пересылаются в уральские поселения "проmemории", указы, реляции. Понимая прагматическое значение этих документов, вместе с тем следует учитывать, что в них ценилась точность детального изображения, историческая конкретика и лаконичность, логичность и наступательный пафос в доказательстве собственной правоты - все то, что было реализовано потом при создании художественной прозы.

Не менее идеологически детерминированным оказалось рукописное творчество староверов. Их особенное положение на Урале, активное участие в создании промышленности (работа и управление), торговле, ремесле подкрепляло сознание собственной правоты. Староверы понимали жизненные цели как выживание в условиях наступивших последних времен, что придавало им бесстрашие и вызывало желание описать и отстоять свою позицию. Поэтому и у староверов доминантой творчества было создание полемических трактатов, в "Посланиях" друг другу обсуждались обрядовые и бытовые проблемы, высок был уровень своего рода теоретических выкладок, развивающих христианские идеи. При этом они без боязни вступали в полемику с представителями светской культуры (спор Гаврилы Семенова Украинцева с "латыняном" Базром, где излагалась эсхатологическая теория поморского согласия). Таким образом, в рукописной традиции сохранялась на долгие годы связь с древнерусской литературой и актуализировалась нравственная проблематика.

Интерес к историческому прошлому ведет Татищева к сбору рукописей, созданию научной истории России, попыткам разобраться в закономерностях событий. В старообрядческой среде история доказывает только монопольное владение истиной в понимании замысла божия. События демонстрируют верность духовного поиска конкретного согласия и подлинную передачу "благодати" только лидерам данного толка. Об этом повествуют "Родословия" согласий, вбирающие в себя фольклорные предания и в сочетании с общехристианскими и общерусскими историческими экскурсами создающие эпические полотна исторических повествований.

Лирическая струя также активно осваивается культурой этого времени. Светская культура соединяет одические прославления и похвалы государям с обращением к любовным переживаниям, причем зачастую достаточно примитивно художественно воплощенным. Все это переписывается из репертуара столичных поэтов и доставляется на Урал в составе сборников, причем оттенки политических симпатий практически не выявляются, поглощенные задачами общенархических панегириков.

Старообрядчество предпочитает трагическую ноту в сборниках духовных стихов в связи с темой конца света, гибели души, поиска спасения.

Древнерусскую ориентацию, но с акцентом на литературу переходного XVII века сохраняли крестьяне Строгановской вотчины, потомки которых перешли в купеческое сословие. Среди них особой популярностью пользовались бытовые и сатирические повести, авантурные романы, нравоучительные переводы басен Эзопа. Не чуждые занимательности, эти произведения несли в себе новую для крестьянства жизненную философию, утверждая изменчивость судьбы и необходимость личной активности.

На Урал доставлялись также произведения иностранной литературы. Среди них выделяется группа любовных романов из библиотеки Выйского училища, описывающих галантные чувства в авантурно-приключенческом духе. Свидетельством нарождающегося интереса к политической сатире явились сборники памфлетов и полуфольклорных песен, привезенные в составе Демидовской библиотеки из Франции. Рукописные сборники читались представителями

нарождающейся технической элиты, формируя новый тип читателя.

Таким образом, следует отметить многообразие рукописной традиции, в составе которой выявляются различные тенденции, получившие то или иное воплощение в литературе позднего времени.

Е.К.Созина

АНТРОПОЛОГИЗМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Среди важнейших системобразующих качеств русского реализма XIX века факторами первостепенной значимости являются антропологизм и этико-центристская направленность. Ю.В.Манн выделял два полюса в развитии литературы натуральной школы: полюс детерминации человека "средой" и полюс антропологизма, понимаемого как автономизация человеческой сущности от "среды" и "обстоятельств", признание ее родового начала как исконно доброго, благого. Последняя позиция, связанная с концепцией "естественного человека" Руссо, была определена Ю.М.Лотманом как толстовское направление в русской литературе XIX века. В.В.Зеньковский в аналогичном случае говорил о натурализме (в применении к Гоголю и Достоевскому - о религиозном или христианском натурализме). Попробуем проследить развитие антропологических представлений классиков реализма середины века, подразумевая под антропологизмом общес философский смысл понятия, с которым смыкается употребление этого термина Манном.

У истоков русского реализма стоят два романа: "Кто виноват?" Герцена и "Обыкновенная история" Гончарова. В том и в другом ведущим является вопрос о ходе взаимодействия человеческой природы и обстоятельств, понимаемых Гончаровым и особенно Герценом достаточно широко и по-разному; а также о причинах складывания того или иного личностного облика человека. У Герцена, с его учением "о независимости" духовного строя человека от реального бытия" (В.Зеньковский), проблема формирующего влияния среды отступает перед гораздо более острой, болезненной для